ХОРРОР

ЧЕТВЁРТЫЙ АППАРАТ

Линия доверия работает и для мёртвых

МАРК ВЕЙЛ

Марк Вейл
Четвертый аппарат

https://litres.ru/74881539
SelfPub; 2026

Аннотация

Уиллоу-Форк, штат Орегон, 1996 год. Нора Бэнкс, аптекарша и ночная волонтёрка на линии доверия, четырнадцать месяцев не может нормально спать после гибели мужа. В подвале методистской церкви стоят четыре телефона, и один из них давно отрезан от сети. Однажды ночью он звонит. Мужчина, умерший два месяца назад, просит передать жене одну вещь: ключ лежит в бачке унитаза.

Нора выполняет просьбу и узнаёт, что четвёртый аппарат работает с 1971 года. По нему звонят мёртвые, которым нужно что-то сказать живым. Одни просьбы трогательны. Другие опасны: в одну из ночей девочка, утонувшая пять лет назад, просит предупредить мать о завтрашнем дне. А чем больше чужих слов Нора передаёт, тем сильнее ждёт звонка, которого боится больше всего.

Тёплый, но жутковатый роман о горе, вине и словах, которые мы не успели сказать.

Содержание

Глава 1. Четвёртый аппарат 5
Глава 2. Пакет от сэндвичей 9
Глава 3. Правила Элмера 14
Глава 4. Лейк-роуд 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Марк Вейл
Четвертый аппарат

МАРК ВЕЙЛ
ЧЕТВЁРТЫЙ АППАРАТ

Линия доверия работает и для мёртвых

Роман

Глава 1. Четвёртый аппарат

Телефонов в подвале методистской церкви Уиллоу-Форка стояло четыре, и до той ночи я считала, что работают три.

Первые три были обычные, кремовые, с кнопками. Их поставили в восемьдесят девятом, когда округ взял «Линию доверия» под крыло и выделил грант. Четвёртый стоял в углу на низкой тумбочке: чёрный, дисковый, тяжёлый, как утюг. Шнур от него уходил к плинтусу и там кончался, аккуратно обрезанный, с торчащими медными жилками. Дороти Ларк, наша заведующая, говорила, что это память об Элмере Шоу, который открыл линию в семьдесят первом. На тумбочке под телефоном лежала вязаная салфетка, и каждое Рождество кто-нибудь из волонтёров ставил на неё вазочку с печеньем. Печенье, между прочим, никто не ел. Не из брезгливости. К четвёртому аппарату все подходили как-то боком.

Я работала на линии второй год. Днём я стою за прилавком аптеки Бёрнса, отсчитываю таблетки и улыбаюсь, а по вторникам и пятницам с десяти вечера до шести утра сижу в подвале и слушаю, как люди рассказывают, почему им невмоготу. Меня спрашивали, зачем мне это. Я отвечала, что дома всё равно не сплю. Это была правда, хотя и не вся.

В ту пятницу, одиннадцатого октября, шёл дождь. В Орегоне осенью он идёт так, что к ноябрю перестаёшь его замечать, как гул холодильника. Звонков было три: пьяный даль-

нобойщик, которому хотелось поговорить о бывшей жене, подросток, повесивший трубку на втором слове, и миссис Аддерли, которая звонила каждую пятницу и рассказывала про кота. Коту было семнадцать лет, и, по её словам, он разбирался в политике.

В два часа четырнадцать минут зазвонил четвёртый телефон.

Это был не электронный чирик, как у остальных. Настоящий звонок, с молоточком и двумя чашками, дребезжащий. Вазочка на тумбочке съехала на сантиметр. Я сидела с кроссвордом и решила, что звенит у меня в голове. Потом звонок повторился.

Я дошла до угла и простояла над аппаратом секунд десять. Обрезанный шнур лежал на полу. Я нагнулась и осмотрела его, как осматривают подозреваемого.

— Это глупо, — сказала я вслух и сняла трубку.

Сначала в ней только шумело, так шумит ракушка, если приложить её к уху. Потом заговорил мужчина, немолодой, с хрипотцой, и заговорил так, будто продолжал начатый разговор.

— Вы только не вешайте трубку. Я знаю, как это звучит. Это линия доверия?

— Да, — сказала я. — Меня зовут Нора. Что у вас случилось?

— Случилось то, что я умер, Нора. Шестого августа. Сердце. Можете проверить, это было в «Газетт».

На этом месте полагалось повесить трубку. Любой, кто проработал на линии больше недели, знал, как поступать с такими звонками: не спорить и не соглашаться. Я не стала спорить. Я спросила, как его зовут.

— Ральф Хольц. Мы с Мэй живём на Пэкер-лейн, дом двенадцать. То есть она живёт. Я, как бы это сказать, больше не живу ни там, ни где-либо ещё.

Он говорил спокойно, даже смущённо, так извиняются, когда опоздали или свернули не туда.

— Мне надо передать ей одну вещь. Только одну. Ключ от гаража лежит в бачке унитаза, в нижней ванной. Он в пакете от сэндвичей. Скажите, что я не хотел, чтобы она нашла его при чужих. И скажите, что я прошу прощения за кошку.

— За кошку, — повторила я.

— Она поймёт.

— Мистер Хольц…

— Ральф.

— Ральф. Я ничего не могу обещать. Но я записываю.

Я правда записывала, на обороте кроссворда: по инструкции фиксируют всё, что говорят. Рука делала это без моего участия.

— Этого хватит, — сказал он. — Спасибо. Вы первая за долгое время, кто не повесил трубку.

В трубке щёлкнуло. Не гудки и не тишина. Просто стало нечем слушать.

Я положила её на рычаг и ещё минуту стояла в углу. По-

том присела и проверила шнур у плинтуса. Медные жилки потускнели и позеленели. К этому проводу лет двадцать никто не прикасался.

В шесть утра пришла Дороти, она всегда приносит булочки и принимает смену. Ей шестьдесят четыре, у неё седая стрижка, очки на цепочке и привычка смотреть так, будто она заранее знает, что ты скажешь, и ждёт из вежливости. Я протянула ей кроссворд.

Она прочла, надела очки, прочла ещё раз и сказала то, чего я не ожидала.

— Во сколько?

— В два четырнадцать.

— Значит, первый в этом сезоне. — Она сложила листок вчетверо и убрала в карман кардигана. — К Хольцам поедешь сегодня или сначала отоспишься?

— Дороти. Вы что, знали?

— Знала, что рано или поздно зазвонит. Четвёртый просто так не молчит. Он только не всех выбирает. Езжай домой, Нора. По дороге загляни на Пэкер-лейн. Лучше до обеда: по субботам у Мэй парикмахерская.

Я вышла на крыльцо. Дождь кончился, всё вокруг блестело. Я постояла, подышала, а потом села в машину и поехала.

Глава 2. Пакет от сэндвичей

Пэкер-лейн оказалась тупиком на краю города, где дома стоят далеко друг от друга и каждый делает вид, что соседей нет. Дом двенадцать был жёлтый, с крыльцом, на котором в горшках доживали петунии. На веранде висели ветряные колокольчики. Их давно никто не слушал, они звенели сами, когда с гор налетал ветер.

Минут пять я просидела в машине. Хорошее вступление не придумывалось. «Здравствуйте, вам звонил ваш муж» не годилось ни для чего. В конце концов я взяла с сиденья листок с кроссвордом, как берут пропуск, и пошла к двери.

Мэй Хольц открыла сразу, словно ждала. Лет семидесяти, маленькая, прямая, в клетчатом переднике поверх платья, с белыми волосами, уже уложенными к субботе. У людей, которые три месяца заставляют себя вставать по утрам, бывает именно такое лицо.

— Если вы от церкви, — сказала она, — пирог мне уже принесли. Четыре штуки. Могу отдать вам один.

— Я не от церкви, миссис Хольц. То есть из церкви, но не по этому делу. Меня зовут Нора Бэнкс, я работаю на ночной линии. Можно мне зайти на минуту?

Она посмотрела на меня внимательно и посторонилась.

На кухне пахло кофе и хлоркой. На столе лежали очки и раскрытый журнал с кроссвордами, и я заметила, что у нас с

ней один и тот же журнал. Почему-то это придало мне храбрости.

— Я скажу вам одну вещь, и она прозвучит странно, — начала я. — Я передам её так, как мне её сказали, и ничего от себя не добавлю. — Я развернула листок. — Ключ от гаража лежит в бачке унитаза, в нижней ванной. Он в пакете от сэндвичей. Ральф не хотел, чтобы вы нашли его при чужих. И он просит прощения за кошку.

Мэй не шелохнулась. Только пальцы, лежавшие на журнале, перестали двигаться.

— Кто вам это сказал?

— Ральф.

— Ральф умер шестого августа.

— Я знаю. Он сам так сказал.

Она долго смотрела на меня. Я ждала, что меня попросят уйти. Многие бы так и поступили, и были бы правы. Но Мэй встала, вытерла руки о передник и вышла из кухни. Слышно было, как в ванной скрипнула крышка бачка.

Вернулась она с мокрым свёртком в руке. Из пакета для сэндвичей она достала ключ с красной пластиковой биркой и повертела его перед глазами.

— Сорок девять лет я живу с этим человеком, — сказала она, — и не знала, что он умеет прятать.

Гараж стоял за домом. Мэй открыла замок с третьей попытки, потому что руки у неё дрожали, и потянула дверь на себя. Машину после похорон продали, и внутри было пусто

и гулко. Пахло маслом и опилками. У дальней стены стоял верстак, а на нём, под жёлтой лампочкой, лежала картонная коробка, перевязанная красной лентой.

К ленте был прикреплён листок. Мэй прочитала его, не снимая, и села на перевёрнутое ведро.

— «Мэй. Четырнадцатое сентября», — сказала она. — Это наша золотая свадьба.

Сентябрь давно прошёл. Она отпраздновала его одна, с четырьмя пирогами от церковных дам, и рассказывала мне об этом потом, спокойно, как о погоде.

В коробке лежали фотографии. Много, по меньшей мере сотня, разложенные по годам и подписанные синей ручкой аккуратным почерком человека, который всю жизнь заполнял накладные. На всех фотографиях была одна и та же рыжая кошка. На подоконнике, на крыльце чужого дома, на коленях у бородатого фермера в клетчатой кепке. Берта.

— Она сбежала в девяносто первом, — сказала Мэй. Голос у неё стал тонкий. — Я искала три недели. Развесила объявления на всех столбах до самого Дэллза. Ральф помогал мне клеить. Он ходил со мной.

На последнем снимке кошка лежала на траве под яблоней, очень старая и очень довольная. Подпись гласила: «Умерла в мае 95-го. Похоронена у Ирвинов, под яблоней. Я хотел тебе сказать и был трус».

Под фотографиями лежала вторая записка, короче:

«Врач сказал, что у меня астма от шерсти. Я не мог вы-

брать между лёгкими и твоей кошкой, поэтому выбрал соврать. Каждое воскресенье я ездил к ней. Ты думала, на рыбалку. Рыбы я не поймал ни одной».

Мэй засмеялась. Это было так неожиданно, что я вздрогнула. Она смеялась, закрыв рот ладонью, и слёзы текли по пальцам, и она никак не могла остановиться.

— Три недели, — выговорила она наконец. — Три недели я обклеивала город. А он тридцать лет, тридцать лет врал мне про рыбу.

— Про пять, — сказала я осторожно. — Здесь написано, что кошка пять лет жила у Ирвинов.

— Это я так, — сказала Мэй. — Для красоты.

Мы просидели в гараже ещё около часа. Потом она напоила меня кофе на кухне и заставила взять пирог. Только в дверях, когда я уже надевала куртку, она сказала то, чего я боялась.

— Он говорил, где он?

— Нет.

— А что-нибудь ещё? Про меня?

— Только то, что я передала.

— А если я ему что-то скажу, вы сможете передать?

Я открыла рот и поняла, что не знаю. У меня не было ни одного правила, ни одной инструкции. Был обрезанный шнур и женщина шестидесяти четырёх лет, которая сунула мой кроссворд в карман и не удивилась.

— Не знаю, — честно сказала я. — Я только начала. Но

если узнаю, скажу.

— Хорошо, — сказала Мэй. — Это справедливо.

Дома в тот день я не спала. Ходила по кухне, помыла две чашки, которые не были грязными, и в конце концов села на табурет и посмотрела на куртку на вешалке в прихожей. Серая, вельветовая, с потёртыми локтями. Дэнни повесил её там четырнадцать месяцев назад и больше не надевал. Я не убирала её. Мне казалось, что тогда он как будто ещё вышел ненадолго.

Автоответчик на тумбочке мигал красным. Я нажала кнопку.

— Нора, это Дороти. В следующую пятницу приходи к девяти, а не к десяти. Посидим, я покажу тебе кое-что. И не бойся: четвёртый звонит не по тем, кого ты ждёшь.

Сообщение закончилось. Я долго стояла, держа палец на кнопке, как будто могла ею что-то отмотать.

Глава 3. Правила Элмера

В пятницу, восемнадцатого, я пришла на линию в девять и застала Дороти за столом с зелёной папкой. Папка была старая, картонная, перевязанная шнурком. На обложке выцветшими чернилами стояло: «Э. Шоу. 1971».

— Садись, — сказала она. — Только сначала включи чайник. Разговор будет не на сухую.

Я включила. Вазочка на тумбочке в углу стояла на своём месте, и я заметила, что стараюсь не смотреть в ту сторону.

— Элмер Шоу был почтальоном, — сказала Дороти, развязывая шнурок. — Тридцать лет разносил письма по этому округу. Знал каждый дом и каждую собаку. В шестьдесят восьмом у него умерла жена, и он начал оставаться по ночам в церковном подвале, потому что дома было слишком тихо. В семьдесят первом поставил телефон. Хотел, чтобы людям было куда позвонить. Через неделю ему позвонила жена.

— Вы…

— Я работала с ним с первого дня. Сидела на третьем аппарате. Слышала только его половину разговора, но этого хватило.

Она достала из папки лист и положила передо мной. Бумага была жёлтая, исписанная чернилами, мелким, чётким почерком.

«Правила четвёртого аппарата.

1. Записывать слово в слово. Не улучшать, не сглаживать, не добавлять.

2. Ничего не обещать от себя. Они просят передать, а не исполнить.

3. Не спрашивать, где они. Не потому что нельзя. Потому что им это тяжело.

4. Передавать лично, не по телефону и не письмом. Человек должен видеть лицо.

5. Если просят передать то, что может навредить живому, молчать. Решать самому, но молчать, пока не решишь.

6. Никогда не звонить на четвёртый самому».

— Почему последнее? — спросила я.

— Потому что тогда выбираешь ты, — сказала Дороти. — А он должен выбирать сам. Элмер однажды попробовал позвонить жене. С той стороны сняли трубку, и он потом полгода не разговаривал.

Я перечитала лист. Про кошку Мэй Хольц в нём не было ни слова.

— А если… — Я замолчала.

— Говори.

— А если позвонит человек, которого я знаю? Не чужой. Тот, о ком я думаю каждый день.

Дороти сняла очки и стала протирать их краем кардигана, глядя куда-то в сторону.

— Звонят те, кому есть что передать, — сказала она наконец. — Не те, кого ждут. Это самое трудное. Двадцать пять

лет я слышу, как плачут над этим телефоном, и каждый раз одно и то же: человек хочет, чтобы позвонил кто-то определённый. А звонит другой. Постарайся не обижаться на телефон.

— Это не ответ.

— Нет, — согласилась она. — Это не ответ. Ответов у меня нет, Нора. У меня есть правила и печенье.

Чайник щёлкнул, мы выпили чаю. Миссис Аддерли позвонила в десять, рассказала, что кот съел резинку для волос и теперь всем недоволен. В одиннадцать позвонил парень, который хотел бросить колледж, и мы полчаса разговаривали про математику. В полночь Дороти ушла наверх спать, она всегда отдыхала до трёх на кушетке в церковной библиотеке, и я осталась одна.

Я старалась не смотреть на угол. Решила кроссворд, оба, свой и тот, что оставила Дороти, потом принялась за судоку, который никогда не любила. В час сорок я поймала себя на том, что просто сижу и считаю секунды между ударами дождя по окну.

Он зазвонил в час пятьдесят три.

На этот раз я подошла сразу. Шнур по-прежнему лежал на полу, медная жила на конце потускнела. Я сняла трубку и сказала то, что говорила остальным:

— Линия доверия. Меня зовут Нора.

В трубке дышали. Быстро и мелко, как дышат дети, когда долго бегут.

— Здравствуйте, — сказал тоненький голос. — Вы тётя из прошлого раза?

— Я не знаю, из какого прошлого. Кто ты?

— Эми Рид. Мне одиннадцать. Ну, было.

Я села на стул, который не заметила, что подтащила. Рука с карандашом всё писала.

— Эми, ты хочешь что-то передать?

— Маме. Ширли Рид. Мы жили на Лейк-роуд, она там и сейчас живёт. Только вы ей скажите, чтобы не пускала Томми на пристань. Завтра. Пусть наденет жилет. Пусть возьмёт тот оранжевый, она знает.

— Кто такой Томми?

— Мой брат. Он родился потом. Он не знает, что я есть. Я не хочу, чтобы он как я.

Меня качнуло, как будто пол ушёл вниз на полметра.

— Эми. Как давно ты…

Я успела сказать «как давно» и вспомнила третье правило. Но девочка ответила.

— Давно. С девяносто первого, наверное. Тут трудно считать. — Она замолчала. — Тётя, вы запишите. Я боюсь, что вы забудете.

— Я записываю, — сказала я. — Слово в слово. Завтра. Пристань. Жилет. Оранжевый.

— Спасибо вам, — сказала Эми Рид. — Я потом ещё позвоню. Если вы будете.

В трубке щёлкнуло.

Я не положила её на рычаг, а положила рядом на тумбочку, потому что руки не слушались. Потом вышла в коридор, поднялась по лестнице в библиотеку и разбудила Дороти. Она сидела на кушетке через секунду, как будто и не спала.

— Дороти, ребёнок. Девочка. Она сказала, что завтра на пристани…

— Расскажи по порядку.

Я рассказала. Дороти слушала, не перебивая, и лицо у неё делалось всё старше.

— Это не воспоминание, — сказала я. — Это про завтра. Они не должны предсказывать будущее. В ваших правилах нет ни слова…

— Они и не предсказывают, — сказала Дороти. — Обычно. Они говорят о том, что было, и о том, чего не успели. А бывает, что предупреждают. Нечасто. Раз в несколько лет, может.

— И что тогда?

Она надела очки. Она теперь смотрела прямо на меня, и мне стало не по себе от того, как мало в её взгляде было успокоения.

— Тогда это худшие звонки, — сказала она. — Потому что молчать нельзя, а передавать страшно. Одевайся, Нора. До Лейк-роуд полчаса, и если Ширли Рид живёт там же, где жила, к рассвету мы успеем.

Глава 4. Лейк-роуд

Дороти водила старый «бьюик» так, словно возила в нём стекло. Сорок миль в час на любой дороге, обе руки на руле, взгляд строго вперёд. Всю дорогу до озера она молчала, и я не лезла. Сидела с листком на коленях и перечитывала собственные каракули: «Завтра. Пристань. Жилет. Оранжевый».

— Ты уже решила, что скажешь? — спросила она, когда мы свернули на Лейк-роуд.

— Что написано. Слово в слово.

— Хорошо. Потому что она не поверит. Никто не верит в первый раз. Главное, чтобы она запомнила про жилет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.